

11 June 2013

Memorandum from the Applicant
Application № 15172/07
Konygin v Russia

Уважаемый господин,

В ответ на меморандум Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека (далее - Уполномоченный) от 26 марта 2013 г. представляю в Европейский суд по правам человека замечания заявителя. Воспользуюсь разрешением Председателя Секции, изложенное в Вашем письме от 10 апреля 2013 года, и представлю свои замечания на русском языке.

1. В ответ на пункты 1-2 Меморандума Уполномоченного, поясню следующее.
Из ответа Уполномоченного следует, что «заявитель жаловался, что, между 24 февраля 2005 и 9 августа 2006, содержался в учреждении IZ-66/1» (СИЗО №1). Это не соответствует действительности. Заявитель содержался в учреждении СИЗО №1 с момента ареста 29 декабря 2004 года по 17 ноября 2006 года.
2. Относительно жалобы о нарушении статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), заявитель сообщает, что правило шестимесячного срока подачи жалобы не нарушено. Позиция Уполномоченного основана на том, что шестимесячный срок нужно исчислять с 9 августа 2006 года. Дата 9 августа 2006 года указана заявителем в жалобе в Европейский суд по правам человека в момент составления жалобы. Фактически в СИЗО №1 города Екатеринбурга заявитель содержался с 29 декабря 2004 года по 17 ноября 2006 года. 7 августа 2006 года в отношении заявителя был вынесен приговор. Приговор от 7 августа 2006 года вступил в силу после кассационного рассмотрение дела 27 октября 2006 года. Лишь 27 ноября 2006 года, спустя месяц после вступления приговора в силу, заявитель был этапирован в Федеральное Государственное Учреждение Исправительная Колония №13. Это подтверждается записью №1 в трудовой книжке заявителя от 29 ноября 2006 г. (приложение №1). Все указанное время с 29 декабря 2004 года (подтверждается постановлением судьи о заключении под стражу) по 27 ноября 2006 года заявитель находился в СИЗО №1. Датой обращения заявителя с жалобой в Европейский суд по правам человека является 14 февраля 2007 года, то есть в течение менее 6 месяцев после прекращения содержания в СИЗО №1 27 ноября 2006 г. Соответственно шестимесячный срок обращения в Европейский суд по правам человека соблюден.
3. Также заявитель поясняет, что жалоба в ЕСПЧ готовилась и подписывалась 9 августа 2006 года, но из-за цензуры в отношении заявителя не отправлялась из СИЗО №1. Отправка жалобы стала возможной, только когда он покинул СИЗО №1, и его жена отправила жалобу в ЕСПЧ 14 февраля 2007 года.
4. По существу условий содержания в учреждении IZ-66/1 заявитель дополнительно

- сообщает следующее. Заявитель был арестован в канун Нового года, из суда заявителя доставили сразу в СИЗО №1, соответственно, никто из обслуживающего персонала в СИЗО №1 не работал. У заявителя не было ни ложки, ни кружки, ни средств гигиены до завершения праздников 10 января, то есть в течение 2 недель, только после 10 января заявитель получил передачу с необходимыми ему предметами первой необходимости.
5. В октябре 2005 заявитель с сокамерниками организовывали акции протеста против того, что в камере не было включено отопление, после того как вся камера заявила о голодовке, отопление дали.
 6. В СИЗО №1 от заявителя требовали, чтобы он признал вину в совершении уголовного преступления. Это требовали следователь, посещая СИЗО №1, угрожая ухудшением содержания в СИЗО №1, это требовал судья - судебное разбирательство длилось около года. Судья назначал заседание, а когда приезжали из СИЗО №1 в суд, к заявителю подходила секретарь судьи, спрашивала, признается ли он в содеянном. Когда получала отказ, судебное заседание отменялось и заявитель ждал вечера для отправки в СИЗО №1.
 7. После доставки из СИЗО №1 в суд, заявителя сначала обыскивали, после чего помещали в клетку 1 метр на 1,5 метра, в которой находилось от 2-х до 4-х человек, света почти не было. В клетке заявитель ждал начала судебного заседания. При этом кормление в суде не предусмотрено. Когда заявителя выводили в зал судебного заседания, то и там его помещали в клетку. После судебного заседания заявитель вновь помещался в клетку 1 метр на 1,5 метра, где он ожидал отправку в СИЗО №1. В СИЗО №1 заявитель прибывал в 18:00 или 20:00 часов, проходил обыск, после чего его вновь закрывали в темном боксе до 23:00, потом поднимали в камеру. На утро все повторялось. В суде не кормили. Всего за период с 13 октября 2005 по 6 августа 2006 назначалось 54 судебных заседаний – то есть 54 раза заявитель конвоировали таким образом из СИЗО №1 в суд.
 8. Перед самым приговором 27 июля 2006 года заявителя поместили в карцер на 7 суток. Освобождение обуславливалось одним требованием - чтобы заявитель признался в совершении преступления.
 9. В СИЗО №1 у заявителя сильно болели зубы – медицинская помощь не оказывалась.
 10. В СИЗО №1 у заявителя развилась аритмия сердца – медицинская помощь не оказывалась.
 11. Заявитель 2 года находился в СИЗО №1 практически без движения, из-за чего у него начались проблемы с суставами. Когда он прибыл из СИЗО №1 в Федеральное Государственное Учреждение Исправительная Колония №13, заявитель почти не мог ходить. Прошло около месяца, пока опухоль и синяки сошли с суставов.
 12. В ответ на пункт 3 Меморандума Уполномоченного в части пропуска шестимесячного срока относительно нарушения статьи 8 Конвенции, заявитель поясняет, что шестимесячный срок должен также исчисляться с даты 27 ноября 2006 года.
 13. В ответ на пункт 3 Меморандума Уполномоченного в части неисчерпания внутренних средств правовой защиты относительно нарушения статьи 8 Конвенции заявитель поясняет, что эффективные средства правовой защиты по оспариванию действий сотрудников СИЗО в гражданском процессе отсутствовали, в связи с чем заявитель не обязан их исчерпывать. Европейский суд по правам человека уже обращал внимание властей России о нарушении прав лишенных свободы на участие в судебных заседаниях по гражданским делам. Например, лишение родительских прав или взыскание компенсации за бесчеловечные условия содержания в местах заключения. Дело Карпенко против России (Жалоба №. 5605/04) от 13 марта 2012 г. лишь одно из таких дел, уже рассмотренных Европейским судом по правам человека. Таких примеров становится все больше. В выступлении судьи Европейского суда по правам человека 1998-2012 г.г.,

избранного от России, Анатолия Ковлера в Российской академии правосудия от 16 января 2013 г. "О правовых позициях Европейского суда по правам человека в свете постановлений, принятых в 2012 году по делам против Российской Федерации" отмечалась данная проблема: "Участились жалобы по поводу невозможности отбывающих наказание заключенных участвовать в процессах по своим гражданским искам (Karpenko v. Russia, no. 5605/04, постановление 13 марта 2012 г., окончено 24 сентября 2012 г.; Bortkevich v. Russia, no. 27359/05, постановление 2 октября 2012 г.). Время от времени дает о себе знать и давняя проблема обеспечения процессуальных гарантий в ходе проведения «телеконференций» (Slashchev v. Russia, no. 24996/05, постановление 31 января 2012 г. – нарушение п. 1 и подп. (с) п. 3 ст. 6; Gennadiy Medvedev v. Russia, no. 34184/03, постановление 24 апреля 2012 г., окончено 24 сентября 2012 г. – отсутствие нарушения)" (цитата из статьи по материалам выступления - А.Ковлер. "Россия в Европейском Суде: 2012-й - год «большого перелома»", опубликована в журнале Российское правосудие No 3 (83). 2013. С. 15-30. доступно на <http://sutyajnik.ru/documents/4451.pdf>). В вопросах российских судей А. Ковлеру на том же выступлении от 16 января 2013 г. также судьями отмечалось отсутствие возможности доставить заключенного для участие в гражданском процессе (аудио запись выступлений доступна здесь <http://sutyajnik.ru/audio/251.mp3>).

14. В связи с вышеизложенным также важно отметить, что Европейский суд по правам человека коммуницировал жалобу Владимира Григорьевича Останина против России и жалобы других семерых заявителей (Vladimir Grigoryevch OSTANIN against Russia and 7 other applications, № 30692/11), которые, не смотря на то что подали иски в гражданский суд в основном по вопросам условий содержания, транспортировки и возбуждения уголовного дела, но в процессе так и не участвовали. Их просто не доставили в судебное заседание и вынесли решения в их отсутствие.
15. Также нет ни одного примера успешной защиты права на тайну переписки заключенных в СИЗО или других учреждениях. Уполномоченным таких примеров не представлено.
16. Все вышеизложенное подтверждает факт отсутствия эффективных внутренних средств правовой защиты, которыми бы мог воспользоваться заявитель для защиты своего права на частную жизнь и тайну переписки.
17. Утверждения государства ответчика об абстрактности доводов заявителя не обоснованы. Ряд писем, адресованных заявителю его близкими родственниками и членами его семьи, после поступления их в СИЗО №1 и после проведения цензуры, не были переданы заявителю. Несмотря на это в настоящем ответе на Меморандум Уполномоченного ниже по тексту заявитель называет конкретные периоды отправки и их отправителя. Также подробно данные факты описываются в первоначальной жалобе.
18. На иждивении заявителя находилась его семья: жена, престарелые родители, трое малолетних детей 14, 9 и 3 лет. Учитывая, что по условиям проведения свиданий в следственном изоляторе на свидании одновременно могут присутствовать только два человека, а также с учетом того, что на иждивении заявителя был малолетний ребенок, фактически оставшийся на попечении жены заявителя, свидания с семьей и с детьми были существенно ограничены. Заявитель пытался компенсировать общение посредством писем, однако часть из них, несмотря на поступление в администрацию учреждения ИЗ-66/1 города Екатеринбурга, пропали. Причем содержание этих писем, касающиеся заболеваний заявителя и членов его семьи, опасений родных и близких относительно пребывания заявителя в тюрьме, семейных проблем материального характера, проблем воспитания детей, имеющих у них заболеваний, успеваемости в образовательных учреждениях, а также существовавших проблем на месте работы заявителя и

- взаимоотношениях с защитником по тактике защиты и оплате труда адвоката, стало предметом обсуждения и насмешек при сопровождении заявителя сотрудниками учреждения СИЗО №1 на следственные действия, при перемещении из камеры в камеру, выезде заявителя на суд. Причем сотрудники учреждения ИЗ-66/1 города Екатеринбурга показывали свою высокую информированность о происходящем в семье заявителя, на работе и в быту. Объяснением чего стало содержание писем, которые поступили в учреждение СИЗО №1, но переданы заявителю не были.
19. В период с 10 января 2005 года по 17 ноября 2006 года заявителю только от жены отправлено 45 писем, из которых он получил всего шесть. Жалобы на действия сотрудников учреждения СИЗО №1 по мере выявления факта сокрытия и вскрытия писем, также передавались для отправки сотрудникам учреждения СИЗО №1. Адресованы эти жалобы были в суд и прокуратуру по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Однако в результате режима цензуры, существовавшего в отношении Заявителя со стороны сотрудников учреждения СИЗО №1 судьба этих жалоб и обращений неизвестна.
20. Отправка писем от жены в СИЗО №1 подтверждено заявлением женой заявителя на адвоката (см. Приложение № 2). Также обстоятельством, подтверждающим пропажу личных писем, поступивших на имя заявителя в СИЗО №1 является то обстоятельство, что вопросы и проблемы, связанные с воспитанием троих детей заявителя, один из которых являлся малолетним, а двое учились в образовательных учреждениях, возникали постоянно и требовали принятия решений непосредственно заявителем.
21. Незначительная часть писем, которая все-таки передавалась (письма, поступившие в марте, апреле, сентябре, и ноябре 2006 года - всего шесть писем) были переданы сотрудником учреждения СИЗО №1 через проем двери камеры в распечатанном виде. Происходило это так: открывался запираемый проем двери, сотрудником учреждения СИЗО №1 называлась фамилия заявителя и он подходил к двери камеры; в указанный проем просовывался журнал, в котором кратко было описано наименование письма и его адресата, напротив указанного письма имелись отметки о цензуре и имелось свободное место для подписи заявителя. Письмо передавали в открытом виде иногда даже без конверта. Изначально Заявитель не придавал этому обстоятельству существенного значения. Однако в последующем, сотрудник СИЗО №1 при сопровождении Заявителя в следственные кабинеты, в обращениях к Заявителю высказывал проблематику писем и утверждения о том, что скоро его семья распадется, а родные и близкие о нем забудут. Такие же утверждения исходили и от оперативных сотрудников, работавших в корпусах, а также в следственных кабинетах и на выездах и следователей. Указанные утверждения строились лишь на информации, которая содержалась исключительно в письмах и не могла быть известной без их прочтения. Данные сообщения об информированности оперативных сотрудников, сотрудников СИЗО №1 и следователей происходили в течении всего периода содержания в СИЗО №1, пока шло следствие и шел суд. Заявитель считает, что данное психологическое давление является пыткой, так как целью оказания на него именно такого психологического воздействия являлось сломить его намерения, действия и решения по защите своей личности от выдвинутых обвинений. Это подтверждается и письменными заявлениями адвоката (см. Приложение № 3).
22. Данные обстоятельства усугублялись тем обстоятельством, что заявитель не имел каких-либо свиданий со своими малолетними детьми, в связи с чем, не имел возможности принять участие в их воспитании и каком-то реагировании и принятии действий для решения проблем своих детей. Также указанные обстоятельства усугублялись и тем, что заявитель не имел длительных свиданий с женой, а проведенные с ней краткосрочные

свидания, которые происходили в присутствии таких же содержащихся в СИЗО №1 лиц и их родственников в присутствии сотрудников СИЗО №1, которые не отвечали требованиям конфиденциальности и непосредственности – не позволяли обсудить возникающую проблематику наедине.

23. Все вышеизложенное, заставило заявителя испытать нравственные страдания: стыд перед родственниками и другими лицами, беспокойство за свою семью, раздражение и душевную боль за встречи, и общение с родственниками в таких условиях. Данные обстоятельства свидетельствуют о незаконном отношении государственных органов к частной и семейной жизни заявителя, а также примером жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческого достоинство обращения к заявителю и пыток. В виду этого, представляется, что своим поведением государственные органы не только проявили неуважение к частной и семейной жизни, но и поставили под угрозу сохранение его семьи в связи нелегитимным вмешательством и создания условий для общения с семьей сопровождавшегося унижениями, жестоким обращением, пытками.
24. ТРЕБОВАНИЯ о справедливой компенсации. Заявитель считает, что он является жертвой в свете положений статей 3 и 8 Европейской Конвенции, в связи с чем полагает, что государство-ответчик должно выплатить ему компенсацию морального вреда в сумме EUR 38000 (тридцать восемь тысяч евро) в качестве справедливой компенсации за нарушения Конвенции и прав заявителя.

Приложение:

1. копия записи №1 от 29 ноября 2006 г. в трудовой книжке Коньгина.
2. Заявление Коньгиной С.В.
3. Заявление адвоката.
4. Доверенность на представителя.

Бурков Антон,
представитель заявителя

